

Афгано-иранские отношения при талибской власти

Омар М. Нессар

*Институт востоковедения Российской академии наук,
Москва, Россия, nessar@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются современные афгано-иранские отношения в контексте прихода к власти в Афганистане талибов. Анализируется эволюция позиции Тегерана, который на протяжении двадцатилетнего американского присутствия последовательно осуждал действия США как основную причину дестабилизации региона. Современные отношения характеризуются как сугубо прагматичные, с акцентом на вопросы безопасности, экономическое сотрудничество и урегулирование трансграничных водных споров. Экономическое сотрудничество с Ираном представляет значительную ценность для действующих афганских властей в контексте диверсификации внешнеэкономических связей и снижения зависимости от других региональных акторов. Столкнувшись с дефицитом внутренней легитимности, талибы заинтересованы в получении официального дипломатического признания со стороны Тегерана. Формирование иранской позиции в отношении новых афганских властей обусловлено комплексом факторов, включая восприятие талибов в качестве антизападной силы, необходимость противодействия трансграничным угрозам безопасности, а также внутривластную и социально-экономическую динамику в самом Иране. Эти отношения носят сложный, многоплановый характер, сочетая элементы вынужденного партнерства и скрытого противостояния, особенно в вопросах, касающихся прав шиитского меньшинства в Афганистане и использования трансграничных водных ресурсов. В статье исследуется динамика этих отношений, анализируются основные факторы их развития. Автор приходит к выводу, что, несмотря на имеющиеся данные о тесных связях между Тегераном и руководством талибов, взаимодействие между сторонами носит ограниченный характер.

Ключевые слова: Афганистан, Иран, Талибан, безопасность, региональное сотрудничество, водный вопрос

Для цитирования: Нессар О.М. Афгано-иранские отношения при талибской власти // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 6. С. 84–104. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-6-84-104

Afghan-Iranian relations under the Taliban rule

Omar M. Nessar

*Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, nessar@yandex.ru*

Abstract. This article examines the contemporary Afghan-Iranian relations in the context of the Taliban's rise to power in Afghanistan. It analyzes the evolution of Tehran's position, which, throughout the twenty-year American presence, consistently condemned the US actions as the primary cause of regional destabilization. The current relations are characterized as strictly pragmatic, focusing on the security issues, economic cooperation, and the settlement of the trans-boundary water disputes. Economic cooperation with Iran holds a significant value for the current Afghan authorities in the context of the diversification of external economic ties and the reduction of the dependence on other regional actors. Faced with a deficit of domestic legitimacy, the Taliban are interested in obtaining an official diplomatic recognition from Tehran. The formation of Iran's position towards the new Afghan authorities is driven by a complex set of factors, including the perception of the Taliban as an anti-Western force, the need to counter the cross-border security threats, as well as reckoning Iran's internal political and socio-economic dynamics. Those relations are complex and multifaceted, combining the elements of forced partnership and latent confrontation, particularly on the issues concerning the rights of the Shia minority in Afghanistan and the use of the trans-boundary water resources. The article explores the dynamics of those relations and analyzes the key factors driving their development. The author concludes that, despite the available evidence of the close ties between Tehran and the Taliban leadership, the interaction between the two sides remains limited.

Keywords: Afghanistan, Iran, Taliban, security, regional cooperation

For citation: Nessar, M.O. (2025), "Afghan-Iranian relations under the Taliban rule", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 6, pp. 84–104. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-6-84-104

Введение

Несмотря на трансформацию характера угроз, исходящих из Афганистана, эта страна сохраняет статус критически важного элемента региональной безопасности. Ее геополитическое положение, предполагающее непосредственную границу с постсоветским пространством, обуславливает необходимость комплексного

мониторинга со стороны России, который должен учитывать не только традиционные аспекты безопасности, но и развивающуюся геополитическую конфигурацию вокруг Афганистана, включая взаимодействие с ключевыми региональными акторами.

Особый интерес в данном контексте представляет анализ отношений между Кабулом и Тегераном, учитывая роль Ирана как стратегического партнера России в формировании новых центров влияния и многополярной архитектуры в евразийском пространстве. Нестабильность афгано-иранского диалога, обусловленная водными спорами и идеологическими различиями, способна оказывать прямое воздействие на экономические и политические интересы России в регионе.

Помимо вопросов безопасности, особого внимания заслуживает экономическое измерение региональной динамики. Ключевое значение здесь имеет растущий транзитный потенциал Афганистана, который открывает широкие возможности для реализации масштабных инфраструктурных проектов, в первую очередь – международных транспортных коридоров. Реализация подобных инициатив способна оказать существенное влияние на формирование экономической и логистической архитектуры региона, создавая одновременно новые возможности и потенциальные вызовы для российских интересов.

Все указанные факторы – стратегическая важность Афганистана, сложность региональной конфигурации и необходимость оценки рисков для России – подчеркивают актуальность данного исследования.

Для анализа современных тенденций в афгано-иранских отношениях необходимо учитывать, что до 2021 г. внешнеполитическая стратегия Исламской Республики Иран в отношении Афганистана развивалась в рамках четко очерченной парадигмы. Ее характеризовала резкая критика военного присутствия западных держав в регионе, а также систематическая атрибуция причин региональной нестабильности действиям США и их союзников.

Вместе с тем политическая система Афганистана, сформированная после 2001 г., создала условия для усиления роли этно-конфессиональных групп в политической жизни страны, в том числе шиитской общины, что объективно способствовало расширению возможностей Тегерана для влияния. Развитие медиасферы в Афганистане после 2001 г. открыло для Ирана возможности для усиления своего идеологического и информационного влияния.

Совокупность этих факторов превратила Иран в одного из наиболее влиятельных внешних акторов в Афганистане. Однако кардинальная трансформация геополитической ситуации в регионе,

вызванная выводом американского контингента и приходом к власти талибов, нанесла удар по ее ключевым рычагам иранского влияния в Афганистане.

В данном контексте особую актуальность приобретает системное изучение трансформации двусторонних отношений между Кабулом и Тегераном, включая анализ базовых интересов сторон и комплекса факторов, определяющих динамику их взаимодействия. Такой подход позволяет не только оценить степень преемственности и изменений в позиции Тегерана, но и спрогнозировать возможные векторы дальнейшей эволюции афгано-иранского взаимодействия.

Материалы и методология

Современный этап развития двусторонних отношений между Афганистаном и Ираном (2021–2025 гг.) остается недостаточно исследованным в научно-экспертных кругах. Данный пробел во многом обусловлен временной близостью рассматриваемых событий, что пока не позволило сформировать целостную аналитическую картину.

Методологическую основу данного исследования составляет региоцентричный подход, избранный в связи со спецификой объекта изучения – двусторонних отношений между Афганистаном и Ираном. Учитывая, что данная проблематика остается периферийной в отечественном востоковедении по сравнению с изучением этих стран в отдельности, в качестве аналитической базы привлекаются труды, формирующие исторический контекст и раскрывающие внешнеполитические ориентиры сторон. В этой связи приоритет отдан работам авторов из региона, а также российских исследователей, обладающих соответствующей экспертизой. Особую ценность представляют фундаментальные работы афганских и иранских авторов, в числе которых исследования известного афганского историка В. Можды [Можда 2010], а также труды иранских специалистов М.А. Бахмани-Каджар [Бахмани-Каджар 2007] и Д. Хакпанах [Хакпанах 2023]. Для анализа генезиса и эволюции движения Талибан ключевое значение имеют работа В. Можды [Можда 2004] и труд отечественного афганиста Р.Р. Сикоева [Сикоев 2004].

Кроме того, отдельные аспекты стратегических подходов Кабула и Тегерана нашли отражение в работах отечественных ученых, специализирующихся на изучении Афганистана и Ирана по отдельности. Внешняя политика Афганистана, включая ее региональный

аспект, в той или иной степени находит отражение в работах афганистов, включая В.Г. Коргуна [Коргун 2004], А.А. Князева [Князев 2023], О.Е. Митрофаненкову [Митрофаненкова 2019], У.В. Окимбекова [Окимбеков 2017], С. Пойю [Пойя 2024], М.М. Слинкина [Слинкин 2023], В.С. Христофорова [Христофоров 2014] и других. Отдельные аспекты данной проблематики нашли отражение и в более ранних работах автора настоящего исследования [Нессар 2024].

Аналогично: анализ иранского вектора и исторический контекст формирования внешнеполитических ориентиров Ирана нашли отражение в трудах отечественных специалистов С.Б. Дружиловского [Дружиловский 2010], Е.В. Дунаевой [Дунаева 2018; Дунаева 2024], М.С. Каменевой [Каменева, Федорова 2020], Е.В. Федоровой [Федорова 2019; Федорова 2024].

Анализ работ вышеперечисленных авторов позволяет сделать вывод о недостаточной изученности и отсутствии российских системных исследований современного этапа развития двусторонних отношений между Афганистаном и Ираном. Несмотря на свою несомненную ценность, большая часть этих работ посвящена историческим аспектам взаимодействия, общим принципам внешней политики стран и в большей степени охватывает периоды, предшествующие 2021 г.

Таким образом, для преодоления указанного исследовательского пробела методологическая основа настоящего исследования была сознательно выстроена вокруг анализа первичных источников. В качестве источниковой базы исследования выступили следующие категории материалов: официальные заявления и дипломатические ноты министерств иностранных дел Ирана и сформированного талибами МИД Афганистана; документы и отчеты международных организаций, в первую очередь ООН и ее профильных миссий; отчеты Генерального инспектора США по восстановлению Афганистана (SIGAR); материалы средств массовой информации на персидском языке (как афганских, так и иранских), а также протоколы и коммюнике по итогам двусторонних переговоров.

Для обработки данных в ходе исследования применяются общепринятые научные методы, такие как контент-анализ документов и материалов СМИ, а также ивент-анализ. Данный методический выбор позволяет минимизировать зависимость от еще не сформировавшейся вторичной литературы и, что более важно, выявить ключевые векторы трансформации стратегий сторон непосредственно через их публичные действия и риторику. Следует особо подчеркнуть, что хотя исторический контекст сохраняет свою значимость для понимания преемственности в политике, настоящее

исследование сознательно фокусируется на периоде после августа 2021 г. Эти хронологические рамки являются методически оправданными, поскольку позволяют детально проанализировать именно формирующиеся, а не устоявшиеся тенденции, а также оценить перспективы афгано-иранского взаимодействия в условиях новой политической реальности в Афганистане.

Хронологические рамки исследования (период после августа 2021 г.) предопределили его закономерную «ираноцентричность». Это обусловлено методологическим выбором, а не является недостатком работы. Афганистан под управлением талибов превратился в закрытую политическую систему с минимальной доступностью информации, тогда как Иран демонстрирует высокую информационную активность, что делает его дискурс основным материалом для анализа. Содержательная асимметрия проявляется в том, что Иран активно формирует региональную повестку. Таким образом, фокус на иранской стратегии методически оправдан для анализа ключевого фактора, определяющего динамику отношений в 2021–2025 гг.

Учитывая заданную методологическую рамку, в статье анализируется развитие афгано-иранских отношений через призму ключевых факторов, определивших их динамику.

Хотя обретение Афганистаном независимости в 1919 г. стало отправной точкой для формирования двусторонних связей, их эволюция определялась не столько хронологией событий, сколько сложным взаимодействием геополитических интересов, культурно-исторической общности и перманентных вызовов безопасности.

Несмотря на историко-культурную и религиозную общность, динамика межгосударственных отношений между Кабулом и Тегераном на протяжении XX – начала XXI в. характеризовалась выраженной нелинейностью. Периоды сближения чередовались с этапами конфронтации, обусловленной идеологическими расхождениями и поддержкой противоборствующих акторов в регионе.

В новейшей истории двусторонних отношений наиболее острая фаза пришлась на конец 1990-х гг., в период первого правления талибов. Кризис достиг апогея в 1998 г. после захвата талибами города Мазари-Шариф, в ходе которого погибли сотрудники иранского генерального консульства, включая дипломатов и журналистов. Данный инцидент спровоцировал масштабную военную мобилизацию Ирана и поставил стороны на грань прямого вооруженного конфликта [Можда 2004, с. 123–124]. Эскалация была предотвращена благодаря дипломатическому посредничеству ООН. Тем не менее указанные события остаются одним из наиболее болезненных эпизодов в совместной истории. Последу-

ющее падение режима талибов в 2001 г. и их возвращение к власти в 2021 г. ознаменовали собой критические точки трансформации, каждый раз кардинальным образом менявшие траекторию двустороннего диалога.

Указанная историческая ретроспектива позволяет заключить, что афгано-иранские отношения традиционно развивались в условиях структурной нестабильности. Однако современный этап, наступивший после августа 2021 г., привел к качественно новой конфигурации региональных сил, требующей отдельного анализа.

Эволюция афгано-иранских отношений после августа 2021 г. характеризуется сложным переплетением взаимных интересов и вызовов. Вывод иностранных войск и установление контроля талибов над Афганистаном создали новую региональную динамику, в рамках которой обе стороны вынуждены пересматривать традиционные внешнеполитические подходы в условиях меняющегося баланса сил.

Смена власти в Кабуле привела к существенной потере традиционного влияния Ирана в афганском политическом поле. Многолетние инвестиции Тегерана в поддержку определенных политических сил, этно-конфессиональных групп (в частности шиитов-хазарейцев), а также масштабные вложения в создание проиранских информационных ресурсов, включая телеканалы, радиостанции и печатные СМИ, оказались в значительной степени девальвированы в новых политических реалиях. Инфраструктура мягкой силы, целенаправленно выстраивавшаяся десятилетиями, была либо демонтирована, либо существенно ограничена в своей деятельности, что привело к резкому сокращению информационного присутствия и идеологического влияния Ирана в афганском публичном пространстве.

Ключевой особенностью текущего этапа является переход от идеологически мотивированной повестки к прагматичному взаимодействию. На смену прежней объединяющей антиамериканской риторике пришли конкретные вопросы, требующие совместного решения: управление водными ресурсами, контроль над наркотрафиком, регулирование миграционных потоков и обеспечение прав религиозных меньшинств.

Политическая трансформация в Афганистане существенно изменила расстановку сил. Новые власти столкнулись с необходимостью выстраивания отношений с традиционными региональными партнерами, включая Иран. В то же время Тегеран оказался перед необходимостью адаптации к изменившимся реалиям, вырабатывая новые инструменты влияния в условиях утраты прежних рычагов воздействия. Текущий диалог между двумя странами развивается по нескольким направлениям. Экономическое сотруд-

ничество, включая развитие транспортной и портовой инфраструктуры, составляет практическую основу взаимодействия. Вопросы безопасности и стабильности остаются приоритетными для Ирана, что отражается в их подходе к пограничному контролю и противодействию незаконному обороту наркотиков.

Особое внимание в двусторонних отношениях уделяется выработке сложного баланса между прагматичными экономическими интересами и необходимостью учета внутренней политической динамики. Для афганской стороны ключевыми задачами во взаимодействии с Тегераном остаются достижение полномасштабного дипломатического признания, а также прекращение контактов иранской стороны с афганской вооруженной оппозицией. Однако, как полагает российский исследователь И.Е. Федорова, нельзя исключать, что иранская сторона ожидает существенных встречных уступок за этот важный дипломатический шаг, рассматривая его как предмет торга [Федорова 2024].

Этот процесс характеризуется исключительной осторожностью и постепенностью, поскольку Иран, стремясь компенсировать потерю политического влияния наращиванием экономического присутствия, вынужден одновременно учитывать как сложность внутриафганской повестки, так и реакцию международного сообщества на любой формат легитимации режима в Кабуле. Таким образом, вопрос признания превратился в многомерную дипломатическую игру с высокой степенью неопределенности.

Факторы формирования иранского подхода к талибам

Указанные выше дилеммы и противоречия, определяющие текущую фазу афгано-иранских взаимоотношений, не только вызывают напряженную дискуссию в политическом истеблишменте Ирана, но и спровоцировали растущий раскол между официальной позицией властей и настроениями широкой общественности. Если правящие круги вынуждены балансировать между идеологической риторикой и прагматическими интересами, то иранское общество демонстрирует все большее неприятие режима талибов. Это нарастающее противоречие создает дополнительное давление на Тегеран.

Позиция Ирана в отношении талибов формировалась под воздействием комплекса идеолого-стратегических факторов.

Во-первых, иранское руководство исходит из убежденности в том, что талибы представляют собой антизападную силу, ориентированную на достижение независимости, противостояние запад-

ной культурной экспансии и американскому доминированию. Эти характеристики в значительной степени совпадают с ключевыми принципами внешнеполитической стратегии Исламской Республики Иран. Во-вторых, Иран рассматривает талибов в качестве эффективного противовеса группировке ИГИЛ-Хорасан (запрещена в России), которая воспринимается Тегераном как серьезная угроза региональной безопасности и национальным интересам страны [Хакпанах 2023].

Тем не менее это не означает полного единодушия и отсутствия разногласий между Тегераном и талибами. Иран можно отнести к числу стран, чей афганский внешнеполитический курс формируется под влиянием множества внутренних факторов, включая социальные, культурные, экономические процессы.

Во-первых, Иран и Афганистан связаны общими языковыми, культурными и религиозными особенностями, что оказывает значительное влияние на восприятие афганской проблематики в иранском обществе.

Во-вторых, на территории Ирана находится большое число афганских беженцев, чьи настроения и позиции в определенной степени воздействуют на формирование общественного мнения внутри страны.

В-третьих, напряженность в двусторонних отношениях, связанная с водным вопросом, который обострился после прихода талибов к власти, способствует росту критического отношения иранского общества к действующему афганскому руководству.

Эти факторы создают сложную дилемму для иранских властей, которые, с одной стороны, стремятся выстраивать прагматичные отношения с талибами, но, с другой стороны, сталкиваются с отсутствием поддержки или даже открытым неприятием такой политики со стороны значительной части иранского общества.

Тот факт, что иранским властям необходимо принимать во внимание позицию общественности в отношении талибов, находит свое отражение в процедуре передачи контроля над посольством Афганистана в Тегеране представителям талибов. Несмотря на очевидную вовлеченность в процесс, иранские власти стремились дистанцироваться от процедуры, формально перекладывая ответственность на афганскую сторону. Так, министерство иностранных дел Ирана, комментируя передачу дипломатической миссии, заявило, что этот вопрос является исключительно внутренним делом Афганистана, подчеркнув, что Тегеран не участвовал в данном процессе¹.

¹ [Ответ Кенани на вопрос относительно изменений в посольстве Афганистана] پاسخ کنعانی به سوالی در خصوص تغییرات داخلی سفارت افغانستان در تهران

Подобный шаг можно расценить как косвенное признание того, что иранские власти учитывают настроения общественности, часть которой симпатизирует противникам талибов. Впрочем, демонстративный нейтралитет не помешал внешнеполитическому ведомству Ирана организовать прощальный ужин для дипломатов свергнутого правительства Афганистана – жест, который, с одной стороны, выглядит как дань дипломатической вежливости, а с другой – позволяет Тегерану сохранить лицо в глазах критиков талибов².

Другим показательным примером противоречивого отношения иранского общества к политике властей в афганском вопросе стал визит министра иностранных дел Исламской Республики в Кабул в феврале 2025 г. Примечательно, что это первый официальный визит такого уровня за все три с лишним года правления талибов, что подчеркивает осторожность Тегерана в выстраивании отношений с новыми афганскими властями. Несмотря на официальный характер поездки, она вызвала волну критики внутри Ирана, где значительная часть общества продолжает воспринимать талибов враждебно. Влиятельная тегеранская газета «Исламская Республика» резко осудила действия министра, назвав его поездку «несвоевременной». Издание также охарактеризовало правительство талибов как «мятежное, жестокое и отсталое», подчеркнув отсутствие у него внутренней легитимности. Этот эпизод иллюстрирует глубокий разрыв между прагматичной внешней политикой иранского руководства и общественными настроениями, которые остаются крайне критичными в отношении афганского режима³.

Подобное противоречие находит отражение и в экспертном сообществе Ирана, где сохраняется сложное восприятие политики Тегерана в отношении талибов. На ряде конференций и семинаров, проведенных в Тегеране с участием представителей академических кругов и экспертов, звучали преимущественно критические оценки в адрес новых афганских властей. Особого

в Тегеране] // Министерство иностранных дел Ирана, 20.02.2023. URL: <https://mfa.gov.ir/portal/newsview/711655/> (дата обращения: 18.03.2025).

² تهران [Прием Министерства иностранных дел Ирана в честь бывших дипломатов Афганистана в Тегеране] // ParsToday, 14.12.2016. URL: <https://parstoday.ir/dari/news/afghanistan-i20509> (дата обращения: 18.03.2025).

³ سفر نابهنگام و پرحشییه برای ایران [Несвоевременная и дорогостоящая поездка для Ирана] // Исламская Республика, 20.02.2025. URL: <https://jepress.ir/?newsid=346567> (дата обращения: 11.03.2025).

внимания заслуживает состав участников этих мероприятий: организаторы приглашают не только афганских беженцев, но и представителей политических течений, оппозиционно настроенных по отношению к талибам⁴. Высказывания, звучавшие на этих мероприятиях, можно рассматривать как индикатор преобладающих настроений в иранском обществе, что подчеркивает существующий диссонанс между официальной позицией государства и общественным мнением.

Учитывая сложный характер отношений между Ираном и талибами в 1990-х гг., многие предполагали, что развитие двусторонних отношений после 2021 г. будет проходить в ином формате. Данные ожидания разделяли и представители антиталибских движений, рассчитывавшие на поддержку Тегерана и формирование конфронтационного формата отношений между Ираном и новыми властями в Афганистане. Однако смена проамериканского режима в Кабуле на новый политический порядок, установленный талибами, сделала бы переход к открытой конфронтации с афганскими властями нецелесообразным для Ирана. Кроме того, доминирование талибов во всех сегментах афганской государственности после 2021 г. выступило объективным триггером для пересмотра Ираном своих подходов.

В сложившихся условиях поддержание напряженности в отношениях с новым правительством Афганистана не соответствовало бы стратегическим интересам Тегерана, что предопределило необходимость поиска более сбалансированного подхода к взаимодействию с талибами. Более того, эскалация напряженности, особенно в форме вооруженного противостояния, могла бы нанести ущерб интересам Ирана, учитывая географическую близость, исторические связи и необходимость поддержания стабильности в приграничных регионах.

Формирование нового иранского подхода к афганскому направлению было обусловлено кардинальной трансформацией внутри-

⁴ См., например: Международная научно-практическая конференция «Изучение движений сопротивления в Афганистане», Тегеран: Ун-тим. Харезми, 15.11.2023. URL: <https://flps.khu.ac.ir/content/70344/%D9%87%D9%85%D8%A7%DB%8C%D8%B4-%D8%B9%D9%84%D9%85%DB%8C-%D8%A8%DB%8C%D9%86-%D8%A7%D9%84%D9%85%D9%84%D9%84%DB%8C-%D8%AC%D8%B1%DB%8C%D8%A7%D9%86-%D8%B4%D9%86%D8%A7%D8%B3%DB%8C-%D9%85%D9%82%D8%A7%D9%88%D9%85%D8%AA-%D8%AF%D8%B1-%D8%A7%D9%81%D8%BA%D8%A7%D9%86%D8%B3%D8%AA%D8%A7%D9%86> (дата обращения: 06.04.2025).

афганской ситуации, принципиально отличающейся от предшествующих десятилетий. Ключевым фактором стало установление талибами беспрецедентного уровня контроля, охватывающего не только территорию страны, но и все сферы общественно-политической жизни. В частности, произошла маргинализация традиционных для Ирана внутренних акторов, которые на протяжении многих лет служили основными партнерами Тегерана в Афганистане и в новых условиях утратили возможность влиять на политические процессы.

Таким образом, прагматичный подход Тегерана к взаимодействию с новым афганским руководством обусловлен как идеологическими, так и практическими соображениями.

Развитие отношений после 2021 г.

Несмотря на существующие противоречия и сложности, выработанный сторонами подход не препятствует активному развитию двусторонних отношений. Коммуникация между Кабулом и Тегераном в период с 2021 по 2025 г. демонстрирует в целом положительную динамику. Иран вошел в число государств, установивших взаимодействие с талибами еще до смены власти в Кабуле. Благодаря этому Исламская Республика оказалась в числе стран, чьи дипломатические представительства продолжили функционировать в Афганистане как в период смены власти, так и после нее. Однако, как представляется, иранские власти, в том числе в силу сложного отношения иранского общества к талибам, проявляли определенную сдержанность в налаживании официальных отношений с новым афганским руководством, что привело к их отставанию от ряда других государств региона в данном вопросе.

Первые официальные дипломатические контакты между сторонами были установлены в октябре 2021 г. Впоследствии взаимодействие продолжилось, однако оно осуществлялось преимущественно на уровнях ниже высшего руководства. Только начиная с апреля 2022 г. двусторонние отношения перешли на новый этап развития. В частности, в апреле 2022 г. состоялся телефонный разговор между министром иностранных дел в правительстве талибов А.Х. Муттаки и главой МИД Исламской Республики Иран Х.А. Амир-Абдуллахияном. После этого официальные контакты между сторонами стали более частыми. Знаковым событием в развитии двусторонних отношений стала передача контроля над дипломатическим представительством Афганистана представителям талибов, которая произошла 27 февраля 2023 г.

В период с августа 2021 г. по начало 2025 г. правительственные делегации талибов, включая заместителей премьер-министра и министра иностранных дел, неоднократно посещали Тегеран. Однако, как уже отмечалось ранее, иранские власти проявляли сдержанность в развитии официальных контактов с новым афганским руководством. Это проявилось, в частности, в том, что первый визит министра иностранных дел Ирана в Кабул состоялся лишь в 2025 г., что подчеркивает осторожный подход Тегерана к нормализации отношений с талибами.

В 2021–2025 гг. большинство встреч между сторонами были сосредоточены на обсуждении конкретного круга вопросов, включая обеспечение безопасности границ, противодействие контрабанде наркотических веществ, а также проблемы, связанные с совместным использованием водных ресурсов трансграничных рек. Кроме того, значительное внимание уделялось вопросам инвестиционного сотрудничества, в частности в таких секторах, как энергетика, горнодобывающая промышленность, сельское хозяйство и развитие железнодорожной инфраструктуры. Со своей стороны, представители правительства талибов неоднократно выражали обеспокоенность положением афганских беженцев на территории Исламской Республики Иран.

Как было отмечено, Иран до августа 2021 г. признавал факт контактов с политическим представительством талибов, одновременно отрицая сообщения о предоставлении какой-либо материальной или военной поддержки группировке. Однако в период американского военного присутствия в Афганистане, в особенности в его последние годы, иранские власти неоднократно становились объектом обвинений в оказании различной помощи талибам, включая поставки вооружений и предоставление убежища членам движения⁵.

Американский исследователь Барнетт Рубин интерпретирует сближение Ирана с талибами, наблюдавшееся еще до августа 2021 г., как результат двух взаимосвязанных факторов: во-первых, стремления талибов к диверсификации своих внешних связей и, во-вторых, скрытой конкуренции между Ираном и Пакистаном за влияние на афганское движение. В частности исследователь отме-

⁵ متعمه شدن افسر ارشد سپاه پاسداران ايران به حمايت از گروه طالبان [Обвинение высокопоставленного офицера Корпуса стражей исламской революции в поддержке движения Талибан] // Sputnik, 26.03.2018. URL: <https://sputnik.af/20180326/%D8%A7%DB%8C%D8%B1%D8%A7%D9%86-%D8%B7%D8%A7%D9%84%D8%A8%D8%A7%D9%86-%D8%AD%D9%85%D8%A7%DB%8C%D8%AA-2173855.html> (дата обращения: 06.04.2025).

чают: «Ахтар Мансур⁶ и его преемник Хайбатулла⁷ искали в Иране временного убежища, когда их отношения с *ISI* (пакистанская межведомственная разведка. — *О. Н.*) ухудшались» [Rubin 2020, p. 295]. В современный период исследователи отмечают сохраняющуюся специфичность отношений Ирана с талибами, хотя многие аспекты этих связей остаются неподтвержденными.

Особый исследовательский интерес в контексте усиления межфракционной напряженности внутри талибской элиты представляет анализ потенциальных связей Тегерана с различными течениями движения. В частности, внимание исследователей привлекают сообщения о возможных тесных контактах иранских представителей с окружением духовного лидера талибов муллы Хайбатуллы Ахундзады, который остается практически недоступным для подавляющего большинства внешних акторов⁸.

Основные вызовы в двусторонних отношениях

Важным аспектом динамики афгано-иранских отношений является эволюция внешнеполитической позиции Кабула. Действия талибского руководства свидетельствуют о стремлении к независимому курсу, особенно в решении вопросов водопользования и пограничной безопасности. Эта позиция создает объективные ограничения для реализации внешнеполитических интересов региональных акторов, включая Иран. Указанная трансформация во многом определяет текущие параметры двустороннего взаимодействия и его результативность.

В этой связи следует отметить, что даже устойчивые контакты между Ираном и руководством талибов демонстрируют ограниченную результативность с точки зрения стратегических интересов Тегерана. Неспособность Ирана урегулировать ключевые двусторонние вопросы (такие как водные споры или безопасность границ) ставит под сомнение действительно стратегический характер этих отношений, сводя их, скорее, к тактическому взаимодействию. Как следствие, вместо стратегического сближения, активизация

⁶ Лидер движения Талибан с 2016 г. По официальной информации, был убит ударом американского БПЛА при пересечении ирано-пакистанской границы.

⁷ Нынешний лидер движения Талибан, с 2017 г.

⁸ См. например, интервью бывшего посла ИРА в Тегеране О. Даудзая. URL: https://youtu.be/NiwY_M6nVOc?si=jlDU67Nn3Gz4yXTw (дата обращения: 05.04.2025).

контактов в краткосрочной перспективе сопровождалась формированием устойчивых вызовов в нескольких сферах. Совокупное воздействие этих факторов способно существенно изменить траекторию развития афгано-иранских отношений в среднесрочной перспективе.

Во-первых, речь идет о вооруженных пограничных столкновениях между силами талибов и военнослужащими Исламской Республики Иран, которые после августа 2021 г. приобрели более регулярный характер. Согласно данным ООН, в период с августа 2021 г. по декабрь 2024 г. было зафиксировано 17 инцидентов на афгано-иранской границе⁹. Основными причинами пограничных столкновений являются действия контрабандистов и вооруженных формирований, а также попытки талибов изменить линию границы, как умышленные, так и ошибочные, наряду с незаконными попытками пересечения границы со стороны беженцев.

Во-вторых, наблюдается обострение миграционного кризиса, создающего значительную нагрузку на социально-экономические системы Ирана. Хотя данные по оттоку беженцев из страны после прихода талибов к власти разнятся, однако анализ отчетов Международной организации по миграции указывает на существенное увеличение потока, направленного преимущественно в Иран. Резкий рост числа афганских мигрантов вызывает недовольство местного населения, что превращает миграционный вопрос в дополнительный дестабилизирующий фактор и стимулирует Иран к усилению пограничного контроля, включая строительство стены на границе с Афганистаном.

Политика принудительной депортации афганских беженцев, инициированная Ираном на фоне внутреннего общественного недовольства, приобрела новый импульс после эскалации ирано-израильского конфликта, перешедшего в открытую вооруженную фазу летом 2025 г. Поводом для ужесточения данной кампании послужили заявления иранских властей о предполагаемом соучастии части афганских беженцев в подготовке антииранских акций в пользу Израиля¹⁰. Данный курс порождает комплекс политических и репутационных последствий. С одной стороны, массовая репа-

⁹ The situation in Afghanistan and its implications for international peace and security 2021, 2022, 2023, 2024. URL: <https://docs.un.org/en/> (дата обращения: 19.04.2025).

¹⁰ بنت: صدھا مهاجر افغان در ايران به جاسوسی متهم شده‌اند [Сотни афганских мигрантов в Иране обвинены в шпионаже] // 8am.media, 05.07.2025. URL: <https://8am.media/fa/bennett-hundreds-of-afghan-refugees-in-iran-accused-of-espionage/> (дата обращения: 12.09.2025).

триация мигрантов встречает сопротивление со стороны нынешних афганских властей, которые не готовы к их масштабному приему и реинтеграции. С другой стороны, подобные принудительные меры наносят ущерб позитивному образу Ирана в афганском общественном сознании – стратегическому активу, традиционно учитывавшемуся иранскими властями при выработке внешней политики.

Примечательно, что афганская диаспора в Иране, несмотря на проблемы с легальным статусом, обладает значительным политическим потенциалом. Ее состав характеризуется преобладанием оппозиционно настроенных к талибам групп, включая шиитские общины (преимущественно хазарейского происхождения), бывших военнослужащих правительственных сил и сторонников антиталибских движений. В условиях возможной политической трансформации в Афганистане данный демографический ресурс может приобрести стратегическое значение.

В-третьих, с приходом талибов наблюдается эскалация напряженности в афгано-иранских отношениях, связанная с вопросами совместного использования водных ресурсов трансграничной реки Гильменд. В период 2022–2024 гг. распределение водного стока стало предметом острых межгосударственных разногласий. Проблема усугубляется хроническим дефицитом воды в приграничных районах Ирана (провинция Систан и Белуджистан), что провоцирует социальное недовольство и усиливает внутривнутриполитическую напряженность. Так, иранские власти вынуждены реагировать на давление со стороны населения, что выражается в публичной критике афганской стороны¹¹.

Параллельно с решением неотложных задач двусторонней повестки важное значение для понимания позиции Ирана имеет анализ его официальной внешнеполитической риторики, формирующей идеологический фундамент региональной стратегии. Этот аспект позволяет выявить системные приоритеты иранского руководства, выходящие за рамки оперативного реагирования на текущие вызовы. Официальные позиции Ирана, выраженные

¹¹ См., например, заявление президента ИРИ: *اخطار رئیس‌جمهور ایران به حکومت افغانستان در مورد حقوق آب* [Предупреждение президента Ирана правительству Афганистана относительно водных прав] // Ариана. 18.02.2024. URL: <https://www.ariananews.af/fa/%D8%A7%D8%AE%D8%B7%D8%A7%D8%B1-%D8%B1%D8%A6%DB%8C%D8%B3-%D8%AC%D9%85%D9%87%D9%88%D8%B1-%D8%A7%DB%8C%D8%B1%D8%A7%D9%86-%D8%A8%D9%87-%D8%AD%D8%A7%DA%A9%D9%85%D8%A7%D9%86-%D8%A7%D9%81%D8%BA%D8%A7%D9%86/> (дата обращения: 06.04.2025).

в политических заявлениях, декларациях и многосторонних дипломатических форматах, отражают комплексный характер его региональной политики, включая афганское направление. В риторике Тегерана последовательно выделяются следующие ключевые приоритеты:

1. Поддержка создания инклюзивного правительства в Афганистане, что соответствует стратегическим интересам Ирана в развитии внутриафганской ситуации.

2. Защита прав этнических и религиозных меньшинств, способствующая укреплению позиций близких к Ирану этно-конфессиональных групп.

3. Акцент на гарантии прав женщин, что служит инструментом формирования благоприятного образа страны в афганском общественном мнении.

4. Обеспечение региональной безопасности и стабильности как ключевой элемент внешнеполитической доктрины¹².

Заключение

Проведенный анализ показывает, что с установлением власти талибов и сопутствующей трансформации политической системы Афганистана Иран утратил прежние возможности влияния на его внутренние процессы. Это обусловило переход отношений в фазу вынужденного прагматизма, для которой характерно сочетание тактического сотрудничества с фундаментальными противоречиями.

Иран оказался в сложной идеологической и стратегической ловушке, вызванной возвращением талибов к власти в Афганистане. С одной стороны, иранское руководство столкнулось с существенным ограничением традиционных инструментов влияния на внутриафганские процессы. С другой – оно лишено возможности занять открыто конфронтационную позицию в отношении нового кабульского режима, что обусловлено как соображениями региональной безопасности, так и экономическими интересами.

Основное идеологическое противоречие заключается в том, что на протяжении двух десятилетий официальная иранская риторика последовательно утверждала, что именно военное присутствие США является корнем всех проблем региона. Следовательно,

¹² [Совместное требование Тегерана и Душанбе о создании инклюзивного правительства в Афганистане] // ТОЛО. 10.11.2023. URL: <https://tolonews.com/index.php/fa/afghanistan-185953> (дата обращения: 06.04.2025).

признание того, что уход американского контингента привел к власти силу, чья деятельность также представляет угрозу интересам Ирана, создает угрозу внутренней и внешней легитимности данной внешнеполитической доктрины.

Таким образом, современная иранская политика в отношении Афганистана характеризуется глубокой двойственностью. С одной стороны, антизападная риторика афганских властей и их противостояние с ИГИЛ-Хорасан* создают объективную основу для тактического взаимодействия, отвечающего интересам иранской безопасности. С другой стороны, сохраняющаяся неспособность Тегерана добиться существенного прогресса в решении ключевых вопросов – таких как урегулирование водных споров, обеспечение безопасности границ и защита прав шиитских общин хазарейцев – наглядно свидетельствует о принципиальной ограниченности и непрочности такого сотрудничества.

В краткосрочной перспективе Иран, по всей видимости, вынужден мириться с текущим положением дел, поскольку альтернативные модели взаимодействия с афганскими властями либо отсутствуют, либо сопряжены с неприемлемыми рисками. В долгосрочном плане Тегеран, вероятно, рассчитывает на постепенную нормализацию отношений по мере идеологической и институциональной эволюции режима в Афганистане, а также наращивает свое влияние через углубление экономической кооперации.

Ключевым фактором, определяющим динамику двусторонних отношений, остается влияние внешнеполитического контекста. Это наглядно продемонстрировал 12-дневный вооруженный конфликт между Ираном и Израилем летом 2025 г., последствием которого стала интенсификация депортации афганских беженцев с иранской территории. Данный эпизод подчеркивает, что развитие афгано-иранского диалога остается подверженным влиянию региональных кризисов, способных переформатировать приоритеты сторон.

Литература

- Бахмани-Каджар 2007 – *Бахмани-Каджар М.А.* ایران و افغانستان از یگانگی تا تعین مرز های سیاسی [Иран и Афганистан: от общности к установлению политических границ]. Тегеран, 2007. 551 с. (на перс. яз.)
- Дружиловский 2010 – *Дружиловский С.Б.* Внутренние факторы формирования внешней политики Ирана и Турции // Россия и мусульманский мир. 2010. № 7. С. 123–133.

* Запрещена в России

- Дунаева 2018 – *Дунаева Е.В.* Внешняя политика ИРИ: традиционные подходы и новые веяния // *Иран: прошлое и настоящее: сб. статей*. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2018. С. 331–342.
- Дунаева 2024 – *Дунаева Е.В.* 46-й год Исламской Республики Иран: возможны ли изменения во внешней и внутренней политике // *Восточная аналитика*. 2024. № 4. С. 103–114.
- Каменева, Федорова 2020 – 40 лет Исламской Республике Иран / ред. М.С. Каменева, И.Е. Федорова. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2020. 358 с.
- Князев 2023 – *Князев А.А.* Трансформация и перспективы стабильности Афганистана (август 2021 – начало 2023 г.) // *Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета*. 2023. Т. 23. № 7. С. 159–170.
- Коргун 2004 – *Коргун В.Г.* История Афганистана: XX век. М.: Крафт+: Ин-т востоковедения РАН, 2004. 529 с.
- Митрофаненкова 2019 – *Митрофаненкова О.Е.* Афганский наркотрафик и борьба Ирана с незаконным оборотом наркотиков // *Восточная аналитика*. 2019. № 1. С. 91–99.
- Можда 2010 – *Можда А.В.* روابط سیاسی افغانستان و ايران در قرن بیستم [Политические отношения Афганистана и Ирана в XX в.]. Тегеран, 2010. 464 с. (на яз. дари).
- Можда 2004 – *Можда А.В.* پنج سال سلطنه طالبان [Пять лет правления Талибана]. Тегеран, 2004. 184 с. (на яз. дари)
- Нессар 2024 – *Нессар М.О.* Особенности управления в Афганистане в период 2021–2024 гг. // *Россия и мир: научный диалог*. 2024. № 3. С. 78–89.
- Окимбеков 2017 – *Окимбеков У.В.* Афганистан и сопредельные страны: торгово-экономические отношения // *Труды Института востоковедения РАН*. 2017. Вып. 5. С. 252–270.
- Поя 2024 – *Поя С.* Анализ внешней политики правительства «Талибана»: Позиция Пакистана, США, России и стран региона по Афганистану // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 3. С. 333–341.
- Сикоев 2004 – *Сикоев Р.Р.* Талибы: религиозно-политический портрет. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2004. 256 с.
- Слинкин 2023 – *Слинкин М.М.* Военные конфликты на Ближнем и Среднем Востоке и в Северной Африке в XXI в. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2023. 500 с.
- Федорова 2019 – *Федорова И.Е.* Ирано-афганские отношения на современном этапе // *Восточная аналитика*. 2019. № 4. С. 135–141.
- Федорова 2024 – *Федорова И.Е.* Ирано-афганские отношения после прихода талибов к власти в 2021 г. // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 3. С. 88–94.
- Хакпанах 2023 – *Хакпанах Д.* Политика Ирана в контексте афганского кризиса после 2021 г. // *Россия и мир: научный диалог*. 2023. № 2. С. 107–117.
- Христофоров 2014 – *Христофоров В.С.* Политическое урегулирование афганской проблемы в контексте международных отношений в 1980-е гг. // *Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение»*. 2014. № 18 (140). С. 116–125.

Rubin 2020 – Rubin B.R. Afghanistan: What everyone needs to know. N.Y.: Oxford University Press, 2020. 352 p. (What everyone needs to know?)

References

- Bakhtani-Kajar, M.A. (2007), «سیاسی های مرز تعیین تا یگانگی از افغانستان و ایران [Iran and Afghanistan: from commonality to the establishment of political borders]», Tehran, Iran.
- Druzhilovskii, S.B. (2010), «Internal factors of the formation of foreign policy of Iran and Turkey», *Rossiya i musul'manskii mir*, no. 7, pp. 123–133.
- Dunaeva, E.V. (2018), «Foreign policy of the Islamic Republic of Iran: traditional approaches and new trends», in *Iran: proshloe i nastoyashchee: sbornik statei* [Iran: past and present. Collected articles], Institut vostokovedeniya RAN, Moscow, Russia, pp. 331–342.
- Dunaeva, E.V. (2024), «The 46th year of the Islamic Republic of Iran: are changes in foreign and domestic policy possible?», *Vostochnaya analitika*, no. 4, pp. 103–114.
- Fedorova, I.E. (2019), «Iranian-Afghan relations at the present stage», *Vostochnaya analitika*, no. 4, pp. 135–141.
- Fedorova, I.E. (2024), «Iranian-Afghan relations after the Taliban came to power in 2021», *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*, no. 3, pp. 88–94.
- Haqqanah, D. (2023), «Iran's policy in the context of the Afghan crisis after 2021», *Russia & World: Scientific Dialogue*, no. 2, pp. 107–117.
- Kameneva, M.S. and Fedorova, I.E., eds. (2020), *40 let Islamskoi Respubliki Iran* [40 years of the Islamic Republic of Iran], Institut vostokovedeniya RAN, Moscow, Russia.
- Khristoforov, V.S. (2014), «Political settlement of the Afghan problem within the context of international relations in the 1980s», *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations. Area Studies. Oriental Studies" Series*, vol. 140, no. 18, pp. 116–125.
- Knyazev, A.A. (2023), «Transformation and prospects for the stability of Afghanistan (August 2021 – beginning of 2023)», *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiiskogo Slavyanskogo universiteta*, vol. 23, no. 7, pp. 159–170.
- Korgun, V.G. (2004), *Istoriya Afganistana: XX vek* [History of Afghanistan. 20th century], Kraft+, Institut vostokovedeniya RAN, Moscow, Russia.
- Mitrofanenkova, O.E. (2019), «Afghan drug trafficking and Iran's fight against illicit drug trafficking», *Vostochnaya analitika*, no. 1, pp. 91–99.
- Mozhda, A.V. (2010), «بیستم قرن در ایران و افغانستان سیاسی روابط [Political relations between Afghanistan and Iran in the 20th century]», Tehran, Iran.
- Mozhda, A.V. (2004), «طالبان سلطنه سال پنچ [Five years of the Taliban rule]», Tehran, Iran.
- Nessar, M.O. (2024), «Features of governance in Afghanistan in the period 2021–2024», *Russia & World: Scientific Dialogue*, no. 3, pp. 78–89.

- Okimbekov, U.V. (2017), "Afghanistan and the neighboring countries: trade and economic relations", *Trudy Instituta vostokovedeniya RAN*, iss. 5, pp. 252–270.
- Poya, S. (2024), "Analysis of the foreign policy of the Taliban government. Position of Pakistan, USA, Russia and countries of the region on Afghanistan", *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*, no. 3, pp. 333–341.
- Rubin, B.R. (2020), *Afghanistan: what everyone needs to know*, Oxford University Press, New York, USA. (*What everyone needs to know?*)
- Sikoev, R.R. (2004), *Taliby: religiozno-politicheskii portret* [Taliban: a religious and political portrait], Institut vostokovedeniya RAN, Moscow, Russia.
- Slinkin, M.M. (2023), *Voennye konflikty na Blizhnem i Srednem Vostoke i v Severnoi Afrike v XXI v.* [Military conflicts in the Middle East and North Africa in the 21st century], Institut vostokovedeniya RAN, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Омар М. Нессар, кандидат исторических наук, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия; 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12; nessar@yandex.ru

Information about the author

Omar M. Nessar, Cand. of Sci. (History), Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 12, Rojdestvenka St., Moscow, Russia, 107031; nessar@yandex.ru